

70 лет назад 26-летний альпинист Евгений Абалаков покорил главную вершину Советского Союза - пик Сталина (Коммунизма) - 7495 метров.

«Сидя в своей палатке, Горбунов задумчиво рассматривает мертвенно-белые, отмороженные и окровавленные пальцы своих ног. Мы тщетно пытаемся у него подробности героической победы. - Когда-нибудь, - говорит он, - пусть хоть немного уляжется весь этот сумбур впечатлений... Но

Абалаков... Абалаков - это герой пика Сталина. Храбрость и спокойствие... Ему мы обязаны успехом и жизнью!

В соседней палатке неподвижно лежал чемпион Москвы по боксу Гетье. Сердце, расшатанное страшным четырехдневным припадком на высоте 7 тысяч метров, работало с перебоями. Он все еще

НАД ОСТРЫМ УГЛОМ

не мог принимать пищи. С трудом выдавливал из себя только отдельные слова:

- Абалаков... феномен... железный человек... машина...

А «герой пика Сталина» в это время блаженствовал, растянувшись на большом камне, подставляя крепко сбитое тело палящим лучам горного солнца. На его лице, обросшем пучками торчащей бороды, не было и следов нечеловеческого напряжения, которые легли на лица Гетье и Горбунова... Только кожа на скулах была слегка прихвачена морозом».

Михаил РОММ, участник экспедиции, журналист и кинорежиссер. Журнал «Смена», 1934 год.

Недавно я побывал на международной спортивной выставке. Как же далеко шагнул прогресс! На вооружении альпинистов, скалолазов - спутниковая связь, уникальная одежда и обувь, выдерживающая пятьдесят градусов мороза и всякая какие-нибудь сотни граммов, миниатюрные кислородные баллоны и космическое питание.

Десяти раз уже покорены почти все семи- и восьмьютысячники планеты. Что еще надо? Нет же, не успокаиваются люди. Каждый год все больше экспедиций горноисходителей штурмуют траверсы Памира, Кавказа, Тянь-Шаня, Тибета. Ничего удивительного, так устроен человек - сильным людям хочется испытать свой организм на пределе возможностей, доказать прежде всего себе, что он личность, возвыситься над бренной суетой. Сегодня человечество для этих целей придумало десятки так называемых экстримов.

Не изменилось лишь одно - горы. Высочайшие вершины земли (и не только высочайшие) остались неизблемы в этом мире. Прежде всего - в своем отношении к человеку, посягающему на высоты. Они не прощают слабости, разгильдяйства, надежды на

то, что пронесет. Каждый год приносит печальные сообщения о гибели альпинистов, несмотря на наличие суперсовременной экипировки. Все равно человек в одиночку или в связке с единомышленниками, рискуя жизнью, идет на штурм вершины...

...Тот штурм пика Сталина 29-м отрядом Таджико-Памирской экспедиции Академии наук и Совнаркома СССР останется в истории навсегда. Одинокий пятчасовой бросок к вершине Евгения Абалакова - как полет Юрия Гагарина. Достаточно увидеть тот комбинезон сталинского физкультурника тридцатых годов и тоненькую палаточку для промежуточного лагеря! Они сохранились и по сей день. Но судите сами - лишь через двадцать лет! - новозеландец Эдмунд Хиллари и шерп Тенцинг Норгей покорили следующую вершину, Эверест - 8882 метра.

Сегодня можно смело утверждать, что выдающееся достижение наших альпинистов - полностью заслуга Абалакова. Остальные участники восхождения были просто физически не готовы к этому штурму. Благодаря виртуозному скальному мастерству Евгения, отточенному в детстве и юности на Красноярских столбах, были пройдены самые сложные отвесные участки «скал-жандармов» почти километровой восточной гребня вершины.

На пределе сил втаскивает Абалаков по веревке к отметке 6400 метров первую пару восходителей, за ней вторую - вместе с Горбуновым - и провожает их до палаток лагеря. Затем уже в темноте возвращается за брошенными рюкзаками и с предельной осторожностью, на ощупь благополучно добирается до палаток...

Через день трое альпинистов, не выдержав экстремальных условий, вынуждены спускаться вниз. На десятый день решающего штурма вершины разразилась высокогорная буря. Температура упала до -45°.

Лишь 3 сентября улеглись наконец снежные вихри, но положение троих участников лагеря 6900 м оставалось критическим. В запасе - лишь одна банка рыбных консервов и плитка шоколада. А вершина близка, манит ослепительным сиянием свежевыпавшего снега. До нее осталось по вертикали шестьсот метров опаснейшего пути. И Абалаков с Горбуновым, натянув обледенелые штормовые костюмы, выходят в снежное безмолвие. Однако через пару часов на подступах к вершинному гребню Горбунов окончательно обессилел. А Евгений Абалаков через пять часов тяжелой пути уже на четвереньках преодолевает последние метры...

«Вершина! Вот она! От волнения и радости вполз и лег на чудесные, чуть тепловатые и защищенные от холодного ветра плиты. Температура -20°», - напишет в своем дневнике Абалаков. Банка с запиской о восхождении, вложенная в тур из вершинных камней, осталась свидетельством покорения пика Сталина.

Однако на этом экстремальные ситуации для Абалакова не закончились. У Горбунова оказались сильно обморожены пальцы ног, и трехчасовое растирание их Абалаковым не привело к положительному исходу. Уже в лагере 6900 метров, проверяя надежность работы автоматической метеостанции, Абалаков был вынужден снять солнцезащитные очки, чтобы провести повторную разборку-сборку метеостанции и устранить дефекты. Результат - острая резь в глазах и частичная потеря зрения.

Ему, полуослепшему, предстояло еще и тяжелейший, на пределе человеческих сил, спуск с вершины с двумя обессилевшими и совершенно не способными к самостоятельному передвижению товарищами. Помощи ждать было не от кого. Портативной радиосвязи в те годы не было и в помине, а в базовом лагере-6400 м также

отсутствовала информация о трех восходителях, оставшихся наверху. Только благодаря фантастической жизнестойкости Евгения Абалакова полуживым и обмороженным спутникам удалось спуститься вниз.

...Абалакова тогда даже не наградили. По платежной ведомости 29-го штурмового отряда он получил 105 рублей 11 копеек... Впрочем, Евгений штурмовал вершины не ради наград. На его счету не только покорение основных семитысячников нашей страны, но и прохождение головоломных траверсов вершин Памира и Кавказа. Его сын скульптор Алексей Абалаков рассказывает:

- Отец был еще и талантливым скульптором. Однако люди, хорошо знавшие его, говорили, что в мир горных вершин Абалаков проникал не только как хозяин и не только как художник. В нем все время жил страстный ученый, исследователь, географ...

В начале 1941 года скульптор Абалаков, ученик Веры Мухиной, представил на творческий конкурс свою новую работу - памятник летчику Валерию Чкалову. Произведение получило первый приз. Но завершить работу автор не успел - война! 23 июня 1941 года мастер спорта Абалаков вместе с лучшими спортсменами страны пришел на стадион «Динамо», где формировались части особого назначения. Рядовым ОМСБОНА Евгений участвует в битвах за Москву и Кавказ. Готовит для борьбы с горными частями фашистов подразделения альпинистов. Эта «наука Абалакова» пригодилась и в обороне Кавказа, и в Карпатах, и на Балканах.

...На Памире есть необычный «абалаковский треугольник». Если смотреть на карту, то можно увидеть три вершины: пик Коммунизма (первопроходец Е. Абалаков), пик 30-летия Советского государства (первопроходец он же) и пик имени Евгения Абалакова - 6650 метров. Таков «абалаковский» памятник на Памире. Памятник альпинисту, как бы воздвигнутый самой природой. Второго подобного нет.

Владимир ЧЕБАКОВ

«Чудный город» - так называется подготовленная к печати книга о Москве известного писателя и журналиста Леонида Репина, которую «МС» представила в № 29 на странице, посвященной 150-летию Владимира Гиляровского. Сегодня по просьбам читателей продолжаем публикацию.

В БАНЬКУ ЗАЛЕТЕТЬ - ДУШУ ПОГРЕТЬ!

Знаменитейшие и первейшие из всех московских бань - Сандуновские - в известном смысле можно считать плодом любви. Плод, конечно, получился своеобразный. О происхождении этих бань, возникших словно бы по волшебству на пустом месте у трех прудов неухоженных возле речки Неглинки, разнотолки и всевозможные легенды ходили. И в самом деле невероятно, что придворный петербургский актер Сила Николаевич Сандунов на свои скромные заработки взял да и построил банный дворец. Но и супруга его, Елизавета Семеновна, модная певица, смущавшая покой многих почитателей своего таланта и обожателей несомненной ее красоты, не обладала даже толковой средств для сооружения такого дворца. Так что же тогда? Кто волшебство-то сотворил?

Похоже, что граф Александр Андреевич Безбородко, страстно влюбленный в певицу-красавицу. Домогался он ее всеми возможными и невозможными способами - и добился ли, никому теперь неизвестно, но как-то во время спектакля кинулась Елизавета к ложе царицы со словами: «Государыня! Спаси и помилуй!» - так ее граф докучал. У царицы был разговор с Безбородко, и тот, повздохав, смирился, позволил Елизавете выйти замуж за молодого красавца - известного в Петербурге повесу Силу Сандунова.

Венчались молодые в Петербурге, в придворной церкви, и Елизавета, любимица царицы, получила от той щедрейший подарок: помимо приданого в сундуках

ФОТО АЛЕКСАНДРА ВОЛОДИНА

еще и бриллиантовое кольцо, и броши, и серьги с бриллиантами. Да еще ларец с такими же камнями прислал ей покинутый и по-прежнему влюбленный граф. Силу те бриллианты слепили и приволили в ярость, потому что настоял он продать их и часть денег отдать в сиротский приют, а на другую построить небывалые бани. Слава о них по всей России пошла.

А потом Сандуны воплотились в другой любовной истории. После создателей своих Сандуны простояли восемьдесят лет, переходили из рук в руки, пока не оказались у Веры Фирсановой, богатейшей в России невесты, дочери почившего лесопромышленника. Вот на нее-то и положил глаз некто Алексей Гонецкий, разорившийся корнет, отнюдь не желавший и да-

лее в своем разорительном состоянии пребывать.

Короче, сломали они старые Сандуны, разнесли по кирпичику и на их месте в 1896 году возвели банные хоромы, которые и поныне стоят. Гонецкий за строительство взялся самозабвенно - ездил по европейским столицам, смотрел, как другие бани устроены, нашел модного архитектора из Вены - Фрейденберга, специалиста по баням, но все в проекте переинициал по ходу дела, поворачивал сущность бани в русскую сторону, к чему в России больше привыкли. А потом вдруг поостыл, дела забросил, а вскоре и вовсе заложил роскошные бани за бесценок и притом тайком от супруги. Вера приложила много сил, чтобы вернуть себе бани, а мужа-молта отшила, даже в дом пускать запретила.

В стране развернутого строительства социализма многие дела все же сворачивались. К Сандунам относились со сдержанной, как бы снисходительной любовью: мыться ходили многие поколения советских начальников, а денег на поддержание не отпускали. Все водные артерии Сандунов проржавели насквозь, стены во многих местах насквозь влагой пропитаны были, в подвале разве только бегемотов разводить - столько накопилось воды, кровля прогнила, стропила обветшали и сыпались. И, казалось, уже невозможно спасти Сандуны...

Странно теперь для меня, что, будучи коренным москвичом, я попал в Сандуны только в последние годы учебы в школе. И то случайно: шел товарищ с отцом и меня с собой пригласили. А соблазнил-то по-настоящему Владимир Алексеевич Гиляровский. Хотелось увидеть - как там теперь, сравнить с прочитанным.

Сандуны пятидесятых годов, помню, поразили меня не только тем, что были коренным старинный дворец, а неожиданным духом своим. Как будто перешагнул я некий волшебный порог и оказался в прошлом. И выплыли в памяти строки лучшего московского бытописателя: «В этих банях пребывала и Грибоедовская, и пушкинская Москва, та, которая собиралась в салоне Зинаиды Волконской и в Английском клубе...»

Трудно было в это поверить! Ну, ладно - Кремль, Большой театр, Третьяковская. А тут - всего-то - баня! Но ведь и в самом деле сохранились тому свидетельства. Сандуны - это город в городе, государство в государстве. Считалось: Москва без бань - не Москва! И было их тогда в Первопрестольной шестьдесят с лишком против теперешних двух с лишком десятков. Хотя и народу в столице сейчас раз в десять больше. Недобор по баням нынче выходит.

Заглянул в Сандуны - оживить прошлое. Высший разряд, по счастью, не изменился, и дух все тот же веет. Но это отделение теперь только для богатых людей. Но в первом разряде подешевле вдвое и, ей-богу, полный комфорт и удобство! И, что совсем уж невероятно - ни одного текущего крана!

Директор Сандунов, Хамит Алев, 25 лет проработавший в этих стенах - сначала рабочим, потом бригадиром в мужском разделе, объяснил, что откуда взялось: по принципу, который теперь интеллигентно называют бартером - «вы нам, мы - вам». Таким образом добыли кучу всего полезного и необходимого: кирпич, трубы, 10000 квадратных метров кровельного железа, без которого баня стояла голой, подобно скульптуре «Девушка с ведром» в парке Горького. Зато теперь Сандуны встречают своих гостей в парадном мундире, и не скажешь, что им сто лет сегодня. Работает Арутюнов, председатель правления товарищества «Сандуновские бани», рассказал, что русскую баню распробовали и иностранцы - ничего подобного Сандунам они и не видывали. С большим удовольствием ходят погреться. Жан Клод Ван-Дам в прошлом году совершенно разомлел от неопишуемого удовольствия, а когда после бани ему поднесли стакан водки и соленый огурец, он и вовсе отказался уходить, хотя в Большой театр на балет надо было спешить. Все первое отделение балета присидел в Сандунах в высшем разряде и только на второе уехал. Говорят, и сейчас Сандунами грежит во снах...

Леонид РЕПИН